

России в 1845 году», а также труд Н. С. Всеволожского «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию... в 1836 и 1837 годах». [2]

Среди работ иностранного происхождения, в которых встречаются упоминания об «Ореанде», следует выделить, прежде всего, сочинение французского автора Луи де Судака (Луи-Алексиса Бертрена) «Путешествие по Крыму. Южный берег», изданное в Париже в 1892 году. [1]

Таким образом, исследование истории дворянских родовых имений характеризуется использованием особой источниковой базы, предполагающей сочетание различных типов исторических документов (источники личного происхождения; хозяйственная документация; исторические очерки и описания путешествий, относящиеся к исследуемому периоду времени).

Литература

1. Soudak, Louis. Voyage en Crimée. Cote Meridional. = де Судак Л. Путешествие по Крыму. Южный берег. - Paris: Calmann Levy editeur, 1892. - 276 с.
2. Всеволожский Н. С. Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах. Т. 1. - М.: Типография Августа Семена при Императорской медико-хирургической академии, 1839. - 495 с.
3. Дело о Высочайшем присутствии Императорской фамилии // Государственный Архив Автономной Республики Крым (ГААРК). - Ф. 248. - Оп. 1. - Д. 148. - Л. 2.
4. Константин Николаевич, Великий князь. Дневник // Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). - Ф. 722. - Оп. 1, - Д. 108, 109, 110, 111, 114, 115, 117, 124.
5. Краткий исторический очерк постройки церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Ореандском имении Государя Великого князя Константина Николаевича на Южном берегу Крыма. - СПб.: Государственная типография, 1886. - 35 с.

УДК 305

Экономические и культурные связи Херсонеса и Эгейской Греции в V-II вв. до н.э.

(по археологическим данным)

Е.С. Лесная

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, отделение истории

Уже почти два столетия продолжают археологические раскопки Херсонеса Таврического, единственной эллинской колонии в Северном Причерноморье, в основании которой принимали участие греки-дорийцы. Но, несмотря на упорные изыскания и оживлённые дискуссии исследователей, многие проблемы его истории и в настоящее время остаются нерешёнными или же недостаточно разработанными. Среди них можно назвать проблему экономических и культурных связей между Херсонесом и городами Эгейской Греции в доримский период. Неоднократно учёные сетовали на скудность письменных источников по античному периоду истории города, и именно поэтому с особой тщательностью и вниманием нам стоит обратиться к данным археологии. Тем более, постепенно в научный оборот вводятся материалы как прошлых, так и последних лет раскопок, а это, в свою очередь, даёт нам новую пищу для размышлений об истории Херсонеса доримского периода.

В данном исследовании мы сделаем попытку кратко представить 2 археологических комплекса из северо-восточного района города, а также некрополя V-I вв., и на основе их анализа реконструировать направления внешней торговли и культурные связи херсонеситов с Эгейскими центрами:

- комплекс V в. до н.э. из раскопок в квадрате II-Б базилики «Крузе» (раскопки С.В. Ушакова 2011 г.);

- колодец эллинистического времени в III квартале (раскопки А.В. Сазанова 1989 года).

Находки из некрополя Херсонеса доримского времени включают в себя амфоры, чернолаковые сосуды, керамику ионийского типа, терракоты, украшения из металла и камня. Импортные амфоры представлены продукцией таких центров: Абдеры (?) - 1 шт. кон. VI - нач. V вв. до н.э.; Самос и «круг Самоса» - 5 шт. совокупно датирующиеся от кон. VI до первой половины IV в. до н.э.; Хиос - 2 шт. типа IV-B по С.Ю. Монахову [3, с. 20] конца V в. до н.э. и 8 шт. «колпачковых» первой - начала 3/4 IV в. до н.э.; амфоры Менды - 2 шт. первой трети и третьей четверти IV в. до н.э.; Парос - 1 шт. с клеймом nAPION первой половины III в. до н.э.; неустановленные средиземноморские центры - 9 шт. датируются 4/4 V в. и нач.-сер. IV в. до н.э. [2, с. 127-131]. Выборка чернолаковых сосудов была дополнена и передатирована С.Ю. Монаховым и Р.В. Стояновым. Как отмечает Р.В. Стоянов, расписная и чернолаковая столовая керамика составляет около 50% всего керамического комплекса. Сосуды V-IV вв. до н.э. принадлежат преимущественно аттическим мастерским, а экземпляры более позднего времени относятся к различным малоазийским и островным центрам. Чернолаковая керамика представлена различными группами сосудов: килики, кан-

фары, кубки-канфары, одноручные чаши, солонки, чаши с рельефным орнаментом, блюда, гуттусы, среди одиночных находок можно отметить чашу с сетчатым орнаментом II в. до н.э. и ойнохойю середины-третьей четверти IV в. до н.э. Как отмечает Р.В. Стоянов, основная масса сосудов относится к IV-III вв. до н.э., экземпляры V в. и рубежа II-I вв. до н.э. немногочисленны. В V-IV вв. среди погребального инвентаря преобладают сосуды для питья, а с III в. их сменяют блюда и солонки [4, с. 46]. Встречены ионийские кубки, кувшины, сосуды для масла и чаши рубежа VI-V вв. до н.э. На данный момент локализация и атрибуция этой группы керамики пересматривается и пока окончательно не установлена. Среди инвентаря некрополя эллинистической эпохи встречаются терракоты местного, аттического и малоазиатского происхождения. Часть ювелирных украшений, найденных в захоронениях происходит из Аттики. Погребальный инвентарь из некрополя интересен тем, что он характеризует торговые связи Херсонеса начиная с самого раннего этапа существования города и на протяжении всего эллинистического периода.

В полевом сезоне 2011 г. при раскопках базилики «Крузе» под рук-вом С.В. Ушакова в центральном нефе под стеной античного времени в скальном углублении были обнаружены остатки слоя V в. до н.э. (В настоящее время эти находки обрабатываются и готовятся к публикации). Он содержал в себе фрагменты амфор, парадной и простой столовой посуды, а также посуды так называемого «ионийского» типа. Амфоры представлены такими центрами: Хиос (1 шт. - вариант III-V по С.Ю. Монахову, 80-70 гг. - кон. второй четверти V в.; 2 шт. - позднепухлогорлые амфоры с выраженным перехватом третьей четверти V в.); Фасос (5 венцов и 2 ножки второй четверти-последней трети V в. до н.э.); также представлены амфоры Менды пифоидного типа (2 венца) и предположительно Самоса (1 венчик). Фрагментарно сохранилось горло и ручка сероглиняной лесбосской амфоры второй половины V века. Некоторые находки простой столовой керамики можно отнести к продукции аттических мастерских. Чернолаковая керамика представлена несколькими группами: скифосы, килики, крышка леканы и массивный поддон рыбного блюда. Совокупно сосуды датируются первой половиной-серединой V столетия. Интересен фрагмент расписного аттического канфара группы St. Valentin 3/4 V в. до н.э. Несколько экземплярами представлена керамика ионийского типа, это фрагмент тулова грибовидного сосуда, чаши и одноручные чаши килики. В Ольвии сосуды этой группы датируются первой четвертью или всей первой половиной V в. до н.э.. Таким образом, весь комплекс мы можем датировать серединой-3/4 V столетия до н.э.

В 1989 г. раскопками под руководством М.И. Золотарёва в III квартале был выявлен колодец «К-4» античного времени. Его раскопками руководил А.В. Сазанов. Глубина колодца составляет 6,60-6,80 м. Засыпь состояла из 5 слоёв, наиболее ранний датируется серединой-третьей четвертью IV в. до н.э., самый поздний - первой половиной IV в. н.э. [1, л. 46]. Нас особо интересуют находки из слоёв эллинистического времени (слои 3-5). Эти слои содержали многочисленные фрагменты амфор Синопы, Гераклеи, Фасоса, Херсонеса, в значительно меньшем количестве представлена тара Книда, Родоса, Хиоса, Пепарета. В более раннем (5 слое) отсутствуют амфоры Книда, Родоса и Пепарета, преобладают же амфоры Фасоса и Гераклеи. В слое 3 чернолаковая керамика представлена традиционными группами: канфары, килики, унгвентарии, рыбные блюда, тарелки второй половины III в. до н.э.. В слое 5 найдены канфары, килики, рыбные блюда, гуттус, а также солонки, светильник, совокупно они датируются серединой - 3/4 IV в. и 2 фрагмента расписных сосудов (4/4 V - 70-е гг. IV вв. до н.э.). Эллинистические слои заполнения колодца содержат материалы в основном эллинистического времени (амфоры, чернолаковую, простую столовую и кухонную посуду), исключение составляют лишь 2 фрагмента расписной керамики. Амфоры, представляющие разнообразие центров (Родос, Книд, Фасос и Хиос), которые заметно уступают таре из Южно-Причерноморских центров (Синопе и Гераклея Понтийской, за исключением амфор Фасоса, которые в раннем слое занимают первое место по числу фрагментов).

Таким образом, на примере 2 комплексов классического и эллинистического периодов, а также материала некрополя доримского мы видим, что в Херсонесе V в. представлены амфоры Абдер (?) Фасоса, Самоса, Хиоса, Менды, Пароса, Лесбоса; простая и парадная столовая посуда аттического производства, место производства керамики ионийского типа пока остаётся неизвестным. В Херсонесе IV-III вв. до н.э. также встречаются находки амфорной тары Фасоса, Хиоса, и появляются амфоры Книда, Родоса, Пепарета, Пароса. В III в. амфоры из Гераклеи Понтийской и Синопы значительно преобладают над амфорами островных центров, также как и чернолаковая керамика малоазиатских и островных центров выходит на первое место по отношению к аттической продукции. Таким образом, материалы Херсонеса хорошо отражают те изменения в экономической и культурной жизни Северного Причерноморья, которые произошли в результате снижения роли Афин в деле объединения Греции, походов Александра Великого и появления нового, в своём роде единого, эллинистического мира.

Литература

1. Сазанов А.В. Отчёт о раскопках в III и VI кв. Северо-восточного района Херсонеса в 1989 г. // НА НЗХТ. Д. № 2946 - 84 л.
2. Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // АМА. Вып. 9. Саратов, 1993. - С. 118-159.

3. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре: Каталог-определитель - Москва; Саратов: Изд-во «Киммериды»; изд-во Саратов. ун-та, 2003. - 352 с.: с ил.
4. Стоянов Р.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Херсонеса Таврического V-I вв. до н.э. // БИ, Вып^Ш, 2005. - С. 39-53.

УДК 930

Иностранцы на русской службе в XIX веке на примере семьи Джона Уптона

Е.С. Малиновская

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, отделение истории

Случаи привлечения на службу иноземцев в России известны с давних времен. Особенно выросшее в ХУШ в., с началом государственных и экономических реформ Петра I, их присутствие в стране значительно расширилось и коснулось различных сфер жизни общества.

В целом, мы имеем в виду граждан других государств на военной и штатской государственной службе, не рассматривая иноземных колонистов и лиц свободных профессий, жизнь и деятельность которых в России регулировались особыми законодательными актами.

Начатое еще при Петре I закрепление правового статуса иностранцев в российском законодательстве нашло свое продолжение в Екатерининскую эпоху, которую по праву можно считать расцветом привлечения на русскую службу иностранцев. Находившиеся на службе иноземцы подчинялись законам Российской империи и обладали тем же правовым статусом, что и русские подданные [1].

Последующий период конца XVIII в. - первой половины XIX в. характеризуется началом законодательного ограничения прав иностранцев в России, что привело к значительному сокращению их количества на русской службе. Еще начиная со времени французской революции и наполеоновских войн, правительство настороженно относилось к иностранцам, главным образом по политическим соображениям. Рядом законодательных актов в правления императоров Павла I и Александра I были введены ограничения привилегированного положения иностранцев в России. В 1789-1820-х гг. был затруднен въезд в Россию иностранцев, устанавливался особый надзор за приезжающими иноземцами и правила пропуска их в пределы Империи. Во время конфронтации с Англией в 1801 и 1807 гг. практиковалась высылка англичан, состоявших на русской военной службе в глубинные районы России [2]. Подобные тенденции сохранились и в Николаевскую эпоху, более того, они нашли свое отражение в Своде законов Российской империи 1830 года, закрепившем все более ранние указы и внесенные в них изменения, начиная со времен Петра I.

Жизнь иностранцев на русской службе в первую половину XIX в. можно хорошо проследить на примере одного из наиболее выдающихся англичан на русской службе, военного инженера, талантливое строителя и архитектора Джона (Ивана Ивановича) Уптона, Он прибыл в Россию в 1826 г. и, поступив сперва на гражданскую службу, занимался сооружением водопровода в Николаеве, проектировал мост через Бугский лиман (1831 г.), затем принимал участие в строительстве знаменитой Потёмкинской лестницы в Одессе, успешно решив сложную инженерную задачу по её укреплению [3]. В ноябре 1837 г. Д. Уптон в чине подполковника зачисляется на военную службу в корпус инженеров морской строительной части. Несмотря на то, что проживание в крепости и военном порте Севастополе иностранцев в очередной раз было запрещено (первый запрет относится к 22 февраля 1798 г.) и все они к 1 января 1838 г. были из города высланы, русское подданство Д. Уптона и его сыновья приняли лишь 12 октября 1849 года.

Его дальнейшая служебная деятельность тесно связана с Севастополем. До наших дней сохранились здания и сооружения, созданные Джоном Уптоном и его сыном Самуилом в Севастополе - такие как Графская пристань, Лазаревские казармы, «Башня ветров» Севастопольской Морской библиотеки, фрагменты акведуков в Аполлоновой и Ушаковой балках и другие.

Отдельные страницы биографии архитектора известны исследователям, тем не менее, полного представления о жизни незаурядного англичанина и одного из строителей Севастополя мы не имеем и по сей день. Наиболее точные и систематизированные сведения о Джоне Уптоне и его потомках содержатся в статье библиографа Севастопольской морской библиотеки В.А. Назинцевой, в которой были собраны все ранее известные факты и упоминания об архитекторе и его семье. Ею были введены в научный оборот сведения из формулярных списков Уптонов и ряд других неопубликованных документов, хранящихся в Архиве ВМФ в Гатчине [4].

Тем не менее, поиск в ГААРК позволил выявить ряд новых материалов, связанных с семейством Уптонов, позволяющих уточнить биографические данные Джона Уптона и его детей [5]. Если судьба Самуила Ивановича Уптона достаточно полно прослеживается по его послужным спискам, то об остальных детях Джона Уптона мало что известно. Отдельные упоминания об одном из сы-